

состоянии, исходя из их языка и поэтики, сделать научно приемлемое заключение об их авторе – в качестве реального объекта изучения его для филологии не существует». Но, добавляет Карпи, «распознать социальный характер и социальную судьбу того мира, который структурируется в произведении, можно и должно» (с. 18). Конечно! Но давайте *изучать* этот характер и эту судьбу, а не превращать реальный мир в проекцию чьего бы то ни было сознания.

И.А. Христофоров

Примечания

¹ См.: *Рейтблат А.И.* Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки о книжной культуре Пушкинской эпохи. М., 2001; *он же.* От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.

² О том, что марксово понятие «Gebrauchswert» следует переводить как «ценность», а не «стоимость» см.: *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России, 1805–1905. М., 2008. С. 224–225.

³ *Goldmann L.* Towards a sociology of the novel. N.Y., 1975. P. 7–15 (французский оригинал книги опубликован в 1964 г.).

⁴ Далее речь идёт даже о «вымирании» дворянства, отразившемся якобы уже в творчестве Пушкина, которое, как выражается Карпи, представляло собой «попытку зализать социальные раны» (с. 14).

⁵ См.: *Thompson J.* Models of value: eighteenth century political economy and the novel. Durham, 2006; *Shovlin J.* The political economy of virtue: luxury, patriotism, and the origins of the French revolution. Ithaca, 2006; *Gray R.T.* Money matters. Economics and the

German cultural imagination, 1770–1850. Seattle, 2008.

⁶ См., например: *Swedberg R.* Tocqueville's political economy. Princeton, 2009.

⁷ См.: *Wagner T.S.* Financial speculation in Victorian fiction: plotting money and the novel genre, 1815–1901. Columbus, 2010; *Jaffe A.* The affective life of the average man: the Victorian novel and the stock-market graph. Columbus, 2010; *Mortimer A.K.* For love or for money: Balzac's rhetorical realism. Columbus, 2011. Я перечисляю только самые последние работы на эту тему. Полный список подобных исследований занял бы много страниц. Однако ни одно из них в книге Карпи не упомянуто.

⁸ Кстати, как показал уже полвека назад Рондо Кэмерон, и во Франции развитие капитализма отнюдь не сводилось к биржевым спекуляциям, да и сами эти спекуляции были не столько «производством капиталов из воздуха», сколько лишь одним из аспектов бурного экономического (в том числе промышленного!) роста. См.: *Cameron R.E.* France and the economic development of Europe, 1800–1914. Conquests of peace and seeds of war. Princeton, 1961.

⁹ См., в частности: *Твардовская В.А.* Достоевский в общественной жизни России (1861–1881). М., 1990.

¹⁰ Перечислю названия этих статей: «“Умственная оргия”. Ф.М. Достоевский и тверские либералы»; «Ф.М. Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману “Идиот” и другим материалам)»; «Почвенничество и либерализм (А.П. Щапов и журнал “Время”)»; «Были ли славянофилы либералами?»; «“Деньги до зарезу нужны”: темы денег и агрессии в “Братьях Карамазовых”». За пределами книги осталась интересная статья: *Карпи Г.* Гоголь-экономист (второй том «Мёртвых душ») // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 304–318.

¹¹ *Starobinski J.* La relation critique. P., 1970. P. 18.

Очерки русской культуры. Конец XIX – начало XX века. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М.: Изд-во Московского университета, 2011. 740 с.

Увидел свет второй том «Очерков русской культуры. Конец XIX – начало XX в.», подготовленный учёными исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова совместно с исследователями академических учреждений Москвы и вузов других горо-

дов (руководитель проекта Л.В. Кошман). Как следует из подзаголовка («Власть. Общество. Культура»), содержание тома вбирает в себя компоненты культуры, не входящие в пространство общественно-культурной среды (это тема первого тома) и художественной культуры (она рассмат-

ривается в третьем, заключительном томе серии). Второй том заметно отличается от своих «собратьев» тематико-содержательным разнообразием. Книга открывается характеристикой государственного строя (Н.И. Цимбаев) и завершается экскурсом в историю меценатства и благотворительности (М.Л. Гавлин). Между этими «полюсами» – очерки о политической культуре (К.А. Соловьёв), политических клубах, кружках, салонах (И.С. Розенталь), правовой культуре (М.И. Голубева), судьбе творческого сообщества (Т.А. Пархоменко), церковно-общественной жизни (В.А. Тарасова), культурной деятельности земства (Л.А. Жукова), городском самоуправлении (Л.В. Кошман), женщине в семье и обществе (В.В. Пономарева, Л.Б. Хорошилова).

В ситуации сюжетной пестроты и избирательности, порождённой как особенностями принятого в серии теоретического подхода, так и жанровой спецификой очерка, вряд ли может оказаться плодотворным стремление рецензента откликнуться на каждую из десяти частей, составляющих том. Есть опасность впасть в беглое, поверхностное реферирование. Правильнее, наверное, будет пойти по другому пути: остановиться лишь на тех материалах, содержание которых послужило толчком к более или менее компетентному диалогу с их авторами.

Основные проблемные узлы очерка о метаморфозе российской государственности на рубеже столетий (автор Н.И. Цимбаев) – особенности индустриальной модернизации России, Первая русская революция, трансформация политического строя, программа «социальной модернизации», предложенная П.А. Столыпиным, третьеиюньская система, Февраль и Октябрь 1917 г., судьба имперского национально-государственного устройства при власти большевиков. Поистине судьбоносной автор считает неудачу столыпинских преобразований: «ценой дворянской победы стала гибель императорской России» (с. 49). Уделяя особое внимание решению национального вопроса в дореволюционный период, он предостерегает от заблуждения видеть в факте создания СССР восстановление разрушенной в годы революции российской государ-

ственности. На самом деле, полагает он, на протяжении всего советского периода строилось и укреплялось «подлинно унитарное государство, принципиально отличное от Российской империи и ничего общего не имевшее с имперской государственностью» (с. 73). К сожалению, автор не раскрывает своего понимания сущности имперской государственности. А это следовало бы сделать, так как его взгляд разделяется не всеми специалистами, в частности, иной точки зрения придерживается А. Каппелер, автор известного труда «Россия – многонациональная империя».

Принципиально новым моментом в концепции тома (в сравнении с содержанием предшествующей серии, посвящённой истории русской культуры XIX в.) стало введение понятия «политическая культура». Это повлекло за собой заметное обновление научного языка. Автор очерка о политической культуре К.А. Соловьёв отталкивается от характеристик этого феномена, предложенных Г. Алмондом, С. Вербой, Е. Вятром, видя в нём совокупность бытующих в обществе представлений о политической сфере и поведенческих установок в области практической политики, а также процесс институционального оформления власти и характер борьбы за неё.

Соловьёв предлагает немало интересных наблюдений относительно особенностей политического пространства России начала XX в. Он указывает на связь между архаичным политическим режимом и архаичностью новых политических объединений, «тестирует» основные направления общественного движения на их отношение к политике. В фокусе его внимания – создание и программы политических партий, тема гражданской политической культуры в партийных документах, избирательные кампании в Государственную думу как фактор становления политической культуры, взаимодействие представительной и исполнительной ветвей власти в 1906–1907 гг. Вполне логичен конечный вывод о превращении политической культуры России из «подданнической» в «гражданскую». Однако этот процесс не был завершён, он тормозился как властью, так и расколом между ведущими политиче-

скими силами, представлявшими разные «политические языки» и типы мышления. Отмечая фактическую плотность и интерпретационную свежесть этого раздела, нельзя не заметить в нём и существенный содержательный пробел: тема «низовой», крестьянской политической культуры осталась даже не обозначенной.

Тезис Соловьёва об архаичности политических объединений начала XX в., находит убедительное подтверждение в очерке «Политические клубы, кружки, салоны» (И.С. Розенталь). Становится очевидным, что старая кружковая, клубная культура не была вытеснена новыми партийными организациями. Но вернемся к текстам Цимбаева и Соловьёва. Характеризовать государственный строй и политические процессы в контексте русской культуры без учёта того, что свою собственную субкультуру активно формировала самодержавная власть, значит заведомо обеднять рисуемую картину. За этим замечанием вовсе не стоит требование воспроизвести наблюдения Р. Уортмана о характере самопрезентации власти, мифах и церемониях в эпоху Николая II¹. Разумеется, каждый автор волен в выборе повествовательных сюжетов. Но если «Очерки» ориентированы на расширение представлений о культурном пространстве России и ставят перед собой не только научные, но и популяризаторские задачи, то как минимум упоминание о существовании «театра» власти и отсылка читателя к работе, где этот феномен впервые и капитально исследован, оказались бы совсем не лишними. Ещё одной важной культурной характеристикой, которая осталась без внимания авторов тома, было отношение общества, массового сознания к институту самодержавия и личности самодержца. Имеется немало свидетельств (в том числе и фольклорных) снижения интереса к монархии, падения авторитета Николая II несмотря на масштабные пропагандистские мероприятия начала XX в., кульминацией которых стало празднование 300-летия Дома Романовых. Конечно, имел место всплеск монархически-патриотического энтузиазма в связи с началом Первой мировой войны. Но её ход и распутищина стимулировали антимонархические настроения.

Характеризуя правовую культуру, М.И. Голубева отмечает в ней немало положительных перемен. В их числе – чрезвычайно высокий социальный престиж юридического образования, взлёт правовой мысли, высокая степень общественно-политической активности юридического сообщества. Наконец, появление Манифеста 17 октября и новой редакции Основных государственных законов, формирование Государственной думы и её законодательная деятельность стали важнейшими факторами в деле оформления нового правового пространства, роста правосознания в российском обществе. Однако, как отмечает автор, при всех своих успехах правовая культура всё-таки не успела сложиться в «правовую традицию» и в условиях резкого обострения социальных противоречий не смогла удержать общество от революционных потрясений. Понятие о праве было раздвинуто далеко не изжитыми, традиционными представлениями о справедливости.

К сожалению, в нарисованной Голубевой картине практически не остаётся места для носителей традиции – русского крестьянства, оставшегося в значительной степени обособленным от нового правового порядка. Реплики о том, что крестьяне, составлявшие значительную часть депутатского корпуса в I и II Думах, опирались «на прочные принципы общинного правосознания», всё-таки недостаточно. Сократив явно затянутую часть очерка, посвящённую теоретикам права, можно и нужно было сказать об особенностях обычного уголовного и гражданского права, регулировавшего отношения в деревне. Одним из важных показателей уровня правосознания является преступность. Наверно, стоило коснуться вопроса о причинах её роста в пореформенной России.

У читателя может сложиться впечатление, что в интеллектуальной элите России рубежа столетий никто не выступал против наступления эры верховенства права, и «бал правил» исключительно либерально настроенные правоведы. А между тем они имели серьёзных противников как справа, так и слева. Конечно, заслуживали быть упомянутыми традиционные оппоненты правового строя – консерваторы, Л.Н. Толстой с характерным для него

правовым нигилизмом, Г.В. Плеханов и В.И. Ленин, немало потрудившиеся на ниве критики буржуазного права.

Голубевой видна тесная связь между теоретическими исканиями выдающихся русских правоведов и идеологией либерализма. Но, думается, этой констатации всё-таки недостаточно. Была возможность продвинуться дальше, отметив, что П.И. Новгородцеву и Л.И. Петражицкому русский либерализм обязан в значительной степени рождением его новой модификации – социального либерализма, а Б.А. Кистяковский является одним из родоначальников либерального, правового социализма. Нельзя не сказать об одной досадной оплошности автора. Она полагает, что именно П.И. Новгородцев разработал новаторское для того времени понятие «право на достойное человеческое существование» (с. 219). На самом деле эта формула принадлежит Вл.С. Соловьёву, и Новгородцев не раз говорил о его приоритете в этом вопросе.

«Творческое сообщество в поисках истины и исторического пути России» – так называется очерк, написанный Т.А. Пархоменко. Автору пришлось решать здесь весьма сложную задачу – погрузить читателя в мировоззренческие, идейно-политические и эстетические искания русской интеллигенции. К сожалению, весомости темы явно не соответствует скромный объём текста, следствием чего стали скороговорка и содержательные потери. И всё-таки Пархоменко удалось показать, как в «творческом сообществе» воспроизводился зародившийся ещё в XIX в. конфликт западнической и почвеннической, религиозной и атеистической, консервативной, либеральной и радикальной «субкультур». Получила освещение и тема религиозных исканий. Не осталась без внимания активнейшая просветительская работа интеллигенции. Отмечен и такой немаловажный момент, как актуализация в художественном творчестве народной культуры. Автор находит место для того, чтобы зафиксировать оживление в интеллигентской среде национальных и даже националистических настроений. Не обойдена проблема индивидуальной свободы. Завершается очерк наблюдениями об эстетической революции эпохи Се-

ребряного века, борьбе между модернизмом и реализмом, конфликте поколений в творческой среде.

Рискованно давать советы специалисту в теме. Однако исключительно в интересах дела отважусь указать на некоторые вопросы, которые обойдены молчанием или нуждались в более тщательной проработке. Вот автор говорит о появлении «новой» интеллигенции и заметном усилении её влияния в 1910-е гг. Но задолго до Пархоменко, уже в 1920-е гг., об этом явлении писал Г.П. Федотов. Правда, он сразу же отказался называть этот слой интеллигенцией и предпочёл определение «новая демократия». Эта «новая демократия», выдвинувшая из своей среды Максима Горького, Фёдора Шаляпина, Владимира Маяковского, не имела, по мнению Федотова, ничего общего с истинной интеллигенцией. Он видел между ними «полный разрыв»². Совершенно очевидно, что в этом случае надо было либо вступать в полемику с Федотовым и оспаривать его весьма неллицеприятную социокультурную характеристику «новой демократии», либо принять его точку зрения. Продолжение переключки с Федотовым было бы весьма полезным и в отношении ещё одной немаловажной проблемы – судьбы русской интеллигенции и её отношения к большевизму. Выдающемуся русскому мыслителю было ясно, что «за восемь лет, протекших между 1906 и 1914 годами, интеллигенция растаяла почти бесследно», и он решительно протестовал против взгляда, что большевизм является «самым последовательным выражением русской интеллигенции»³. Наконец, не поддаётся объяснению тот факт, что автор проходит мимо проблемы отношения интеллигенции к революциям в России. На худой конец, стоило хотя бы упомянуть о «Веках» и полемике вокруг них, о сборнике «Из глубины» как памятниках интеллигентского самосознания и исторической мысли эпохи русских революций.

Два замечания, касающиеся концепции книги в целом. Если проект базируется на интеграционном, системно-функциональном подходе к изучению явлений культуры, на предельно широкой трактовке понятия «культура», то был ли смысл в отделении «власти» и «об-

щества» от «культуры» в подзаголовке тома? Ведь власть и общество фигурируют здесь и как культурные акторы, и как продукты культурной деятельности одновременно. Правда, при таком подходе начинают стираться границы между сферами ведения социальной, политической и культурной истории. Кстати, интересно было бы знать, как видится редакционной коллегии издания разделительная линия между их предметными областями.

При всём богатстве своего содержания рецензируемый том всё-таки заставляет говорить об одной весьма существенной потере. Я имею в виду тему общественной мысли. Ей был отведён специальный том в предшествующей серии, посвящённой русской культуре XIX в. Здесь же она оказалась раздробленной и скомканной. Думается, не лишним было бы представить в отдельном очерке процесс трансформации

основных идеологий (либерализм, консерватизм, социализм) на рубеже веков.

В целом же коллектив авторов тома выполнил большую и полезную работу. Научная добротность её результата не вызывает сомнений. Все авторы – далеко не новички в проблематике своих материалов. Вскрывающиеся же дискуссионные моменты и лакуны являются неизбежным атрибутом процесса дальнейшего углубления в тему.

В.А. Китаев

Примечания

¹ См.: Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 2. М., 2004.

² Федотов Г.П. Судьба и грехи России: Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т. I. СПб., 1991. С. 159–162.

³ Там же. С. 97–98.

А.Е. Иванов. Мир российского студенчества. Конец XIX – начало XX века. Очерки. М.: Новый хронограф, 2010. 333 с.

В последние годы заметно возрос исследовательский интерес к истории отечественного образования вообще и российских университетов в частности. Ежегодно выходят статьи и монографии, посвящённые тем или иным периодам развития университетской системы в России, научной аттестации, проблемам учебного процесса, различным аспектам жизни и деятельности преподавательских и студенческих корпораций, отдельным факультетам и конкретным профессорам. Но и на фоне этого многообразия рецензируемая книга привлекает особое внимание. Её автор – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН А.Е. Иванов по праву считается патриархом в историографии высшего образования Российской империи. Несколько его фундаментальных трудов, написанных за последние 20 лет¹, составили своего рода энциклопедию высшей школы указанного периода, поставив много проблемных вопросов, открывающих перспективы для

дальнейшего изучения темы. Как свидетельствуют историографические обзоры в диссертациях и монографиях последних лет, ни один исследователь, занимающийся историей образования в дореволюционной России, не может обойтись без работ А.Е. Иванова. Недавно ему была присуждена премия имени В.О. Ключевского, что стало выражением признания его заслуг научным сообществом.

Раскрывая мир российского студенчества конца XIX – начала XX в., автор рассматривает своё исследование как «историко-культуроведческое» и видит его смысл в «детальном социокультурном портретировании сообщества учащихся высшей школы Российской империи» (с. 5). Следует отметить, что отдельные попытки представить облик студентов конца XIX – начала XX в. или какой-то его профессиональной части предпринимались и в дореволюционной литературе², и в работах последних лет³. Однако, Иванову впервые удалось представить палитру всего российского студенчества –